

Восьмого сентября в городской газете опубликована корреспонденция «Мария». Через три дня — в газете «На смену!» публикация на ту же тему и того же автора. С тех пор, как я прочла их, меня не оставляет какое-то странное чувство, неловкость, словно что-то здесь не так.

Молодой журналист Геннадий Григорьев — человек ищущий и умеющий подать факт, — большое достоинство для журналиста. И счастье, что его профессиональное становление происходит в иное время, чем у нас, когда нашу профпригодность с легкостью брали определять инструктор горкома. У газетчиков всегда считалось удачей, если нашел редкий факт, необычную судьбу. Радуюсь своей находке и удаче товарища. Отчего же странному кажется это необычное повествование? Оттого, что здесь соединены две разные темы — мелодрама и милосердие к поверженному и умершему врагу. А это разные вещи. И еще: я давным-давно и не раз слышала эту любовную историю женщины-фельдшера и эсэсовца, но никогда не приходило в голову написать о ней. Подумалось: а написала бы об этом сейчас? Нет, не написала бы. И дело тут не в цензуре, не в гласности или отсутствии ее.

Много лет я была свидетелем того, как встречали Девятое мая несколько первоуральских старух. Собравшись в День Победы, они разговаривали и все плакали. Вспоминали о том, как болели и умирали дети, у кого и как вернувшись с войны муж, кто стал инвалидом, кто погиб или пропал без вести. И много места в их беседах занимал завод, и субботники до голодного обморока, и такой же голодный быт. А у одной самым страшным воспоминанием было такое: как бежала она в цех, опоздав на час из-за болезни ребенка, сердце выскикивало из груди и бился страх: тюрьма! За опоздание — тюрьма! И то, что не посадили, было ее счастьем.

Кем была для этих женщин Мария Рапопорт, сытая жена кеgebешника-тыловика, влюбленная в эсэсовца? С жиру бесится, сказали бы они, и это было бы еще самым легким выражением.

Григорьев пишет: «Только вот никак так толком и не может объяснить, кого или что предала Мария Рапопорт, желявшая только одного: соединиться с любимым человеком». Так уж и никто? Я объясню. Предала мужа, возможно, именно ради нее околавшегося в тылу. Предала детей, ибо тот, кто видел послевоен-

ный детдом, если он в своем уме, своих детей не оставил бы сиротами. И еще она предала вот этих старух и даже смертью своей посмеялась над их горем. И пока жива хоть одна такая старуха, надо ли умиляться мелодрамой, оскорбляющей ее прошлое, ее чувства и достоинство?

Что касается войны, то лично мне надоело словопреждения об «украденной победе». Да, ее украли у на-

шиме от СССР, подписывала Гагские конвенции, где речь шла и об отношениях к военнопленным.

Что же касается кладбища военнопленных, где «похоронены по-людски» около сорока человек, то существовало оно до начала семидесятых годов. На его содержание выделялись средства, за его состояние отвечал горкомхоз. Несколько раз приезжали с инспекцией представители

ТРЕБУЕТСЯ ДУХОВНОСТЬ

рода в том смысле, что народ не смог воспользоваться плодами победы. И вместе с тем украсть ее нельзя, она остается с каждым, кто вынес ее на своих плечах. И не надо глумиться над их чувствами; знаете, как у Гамлета: но играть мной нельзя! Нельзя делать из наших стариков дураков! В подавляющем большинстве своем, даже самые забытые и малообразованные, они обладали той духовностью, которая сегодня остается невостребованной.

БОГ С НЕЙ, с драмой лагерного масштаба, тем более что один из «героев», поцарапав себя, остался жив. Может, и сейчас живет на свете, забыв (или помня?) о своем эсэсовском прошлом. Обратимся теперь к серьезной теме корреспонденции. Здесь я разделяю некоторые мысли автора, но кое-что хочу уточнить. Скажу то, что слышала от старожил. Скуден был паек военнопленного? А старики помнят женщину, которая работала в лагерном магазине и продавала там намцам сметану и мороженое («Богатый был магазин»). Пленные получали посылки через Красный Крест, и дети победителей играли яркими жестяными коробками из-под их продуктов. Они нам построили Соцгород? Да, строили много, но архитектуры отечественной, в просторечии именуемой «сталинский ампи́р». Качественно строили, да не совсем. Школу № 32 не принимали в эксплуатацию десять лет, потому что пленные заложили всю канализацию кирпичом, чтобы затопливо подвал. Во Дворце культуры дымоходы были выведены в воздухообменный колодец. И в жилых домах по улице Ватутина долго встречались такие же «сюрпризы». Не от любви ведь к нам они строили. Конечно, в плену несладко. Но не надо забывать, что Германия, в от-

Красного Креста из Москвы, проверяли, есть ли присмотр за могилами. Потом — да, потом стало так, как пишет Г. Григорьев.

На днях мы видели на телеэкране немецких детей, приехавших в СССР ухаживать за могилами погибших — наших и своих. Они говорили, что чувствуют тяжесть вины своих дедов, натворивших такое, и хотят хоть как-то искупить ее. Мы верим им. И понимаем: даже среди всеобщего ожесточения надо поступать по-людски. Надо привести в порядок могилы пленных в Первоуральске, и пусть на них приедут родные из далекой страны и зажгут свою скорбную свечу...

НО ПОЧЕМУ ЖЕ не чувствуем мы вины перед своими соотечественниками? Почему мы, как Монголия из феодализма в социализм, перескочили через целый пласт своего самосознания и сразу перешли к всеобщему милосердию, не взглянув на то, что у нас под ногами? А там вот что.

Митинги в День Победы надо бы проводить не у обелиска, воздвигнутого на пустом месте. Надо войти в первые кладбищенские ворота, углубиться метров на 200—250 и разглядеть засыпанный ров. Там лежит не одна тысяча человек. Это войны, умершие от ран в госпиталях. Гробы доставались далеко не всем, и трупы заворачивали в одеяла. Там лежит триста жителей Средней Азии, отравившихся на хромпиковом заводе. Их привезли сюда на работы. А еще они умирали просто на обочинах канав, на ходу, потому что работа на заводах была непосильна для них, чалмы и тряпье не грели при минус тридцати градусах и мучил голод, который подводил последнюю черту. Здесь лежит большая часть стройбата, стоявшего в городе и тоже работавшего на заводах.

А сколько на наших кладбищах безымянных могил эвакуированных из Ленинграда и других городов! Забыты имена. Но даже к могилам, на которых есть имена, не приходят те, кто привык смотреть выше голов, маршируя на «Смотрах строя и песни». На билимбаевском кладбище лежат трое ребят (а может, и больше), ушедших на фронт добровольцами прямо из школы. Но никогда никто из школ поселка не положил цветков на их могилы. Чему удивляться, если неподалеку, на старом кладбище, где покоятся прадеды, уже лет сорок играют в футбол. Да еще ведут речь о реконструкции этого стадиона. Кладбище-стадион — что может быть кощунственней?

ВСПОМНИМ Пушкина: «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» дает пищу сердцу. Так вот о «пепелищах». Раз уж мы говорим о духовности, вспомним об оскверненных церквях. Далеко не все наши деды, следуя примеру всеосознанного комсомольского вожака А. Косарева, имевшего два класса образования, бросались с отбойным молотком на Храм Христа-спасителя. Но это им не помогло. И вот сейчас моральный кодекс строителя коммунизма возвращается к своему первоисточнику — христианским заповедям. Некоторые люди ищут спокойствия в вере, церкви возвращаются ее здания. Вроде бы все разрешено, но все равно происходит так, чтобы ничего не было. Вот церковка в Нижнем Селе, белое деревянное чудо на крутом берегу Чусовой. Объявлен сбор средств на ее восстановление. Да кто их соберет? Десяток нижнесельских старух? Постарела нынче церковка, серая какая-то стала за одно лето, словно влягой от дождей наполнилась. Погибнет ведь. Поехать бы туда ребятам из художественной школы, из дворцов культуры, из строительных ПТУ — вот и было бы дело. Кусочки лепнины еще целы...

В Первоуральске есть молеальный дом. Решено строить церковь. Стопки кирпича стояли все лето. И будет стоять. Кто видел эскиз будущей церкви? Это, если можно так выразиться, эклектика в духе плюрализма. Всего намешано, а не окрыляет. А вместо всего этого отдать бы верующим билимбаевскую церковь. Это настоящая архитектура, кафедральный собор. А для дискотек построить клуб поближе к месту проживания основной массы молодежи.

ТАК ТРЕБУЕТСЯ нам сегодня духовность и все, что из нее вытекает, или не требуется?

А. КИПРИЯНОВА.